

Дима Хохлов

*нон-редакт.бл.
рассуждения*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дима Хохлов
нон-редактабл рассуждения

<https://litres.ru/74537267>

SelfPub; 2026

Аннотация

постепенно публикующиеся, на первый взгляд не связанные
рассуждения о жизни

Содержание

бесталанный	4
о вере	16
непредсказуемая подлинность	20
комары	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дима Хохлов

нон-редактабл рассуждения

бесталанный

...у меня нет талантов. Я тешу себя тем, что однажды смогу написать что-то – музыкальный альбом или книгу, -- но это кажется всё менее возможным с каждым прожитым мной на свете днём. Трудолюбия во мне тоже нет. Я действую только лишь тогда, когда горит моё сердце. Как только гаснет этот очаг на неопределённый срок, весь я затухаю вместе с ним. И я никогда не могу знать, что разожжет его в следующий раз. Можно тешить себя мыслью, что ты в состоянии самостоятельно поддерживать горение этого очага, но мне это всё больше кажется неправдой. То, что дано мне, -- это ловить редкие моменты созидательного стремления и пытаться придать им эстетически прекрасную форму. Мой творческий метод – это постоянно работать в направлении нравственного роста, чтобы, поймав те редкие моменты воспламенения, суметь укротить пламенную стихию.

Я всегда сомневаюсь, но иду в направлении этих сомнений. Я живу в этом состоянии. Уверенность в своих действиях так же редка, как и созидательное воспламенение. Я будто печь, что обжигает гончарные изделия в момент, когда

они готовы к этой процедуре. Печь – это обуздание огня и направление его силы в полезное русло. Наверное, я еще не печь. Так и не сумел я обжечь те гончарные изделия, что были даны мне гончаркой-судьбой. Плохая печь, недостроенная, заброшенная.

Желание писать во мне являлось муками. Я не понимал, что происходит со мной. Долгие годы я заглушал это непонятное мне желание алкоголем и наркотиками. Потом совмещал это. Теперь я пришёл к тому, что мне и не нужно ничего, кроме регулярного соскабливания налипшего на моё сознание бытия. В этом процессе я только и чувствую себя на своём месте. Всё остальное мешает мне.

Я становлюсь всё более отстранённым от семьи. Это всё из-за их непонимания направления моего движения в жизни. Я бы обязательно им всё объяснил, если бы знал сам маршрут. Но мы живём разными парадигмами приложения своего рационального к жизни: я считаю, что правильно доверяться своему чутью, отталкиваясь от ощущений настоящего времени, а они же -- люди плана. Я не понимаю плана. Когда я что-то запланировал, я уже чувствую себя очень несвободно, но, разумеется, от этого никуда не деться. Я считаю, что люди слишком многое в жизни отдали во власть своего рациона. Чуть ли не математически выверенное продумывание своей жизни лично для меня лишает этот процесс, собственно, жизни. Мы думаем, что сказать, кому сказать, а будет ли уместно это сделать вместо того, чтобы сказать это и сделать.

Сомнения проистекают из излишнего повиновения своему радио.

Я не говорю о том, что думать совсем не надо, нет. Когда вам нужно повесить люстру в комнате, найти в проводах, торчащих из потолка, фазу, ноль и заземление, то да, конечно, здесь не стоит доверяться голому чутью, ведь в случае ошибки грозит опасность физического характера. Однако мы стали доверяться радио и отклонять свои стремления даже в тех случаях, когда никакой серьёзной опасности нам не грозит, а грозит лишь временный эмоциональный дискомфорт. Но именно эмоциональный дискомфорт зачастую и является указателем пути. С большой долей вероятности туда и нужно шагнуть, чтобы не испытывать ощущение опустошающей обыденности, поглощение которым такие люди как я, склонные к зависимостям, пытаются остановить. И нужно признать, что помогает. На время. Этим бы никто не пользовался, если бы не помогало.

Как, например, работает алкоголь, на мой взгляд, в ситуациях, когда ты запиваешь дерьмовость своей жизни. Ты находишься в определенной жизненной ситуации, в которой у тебя, возможно, все не так плохо, но из-за нахождения в постоянном потоке поверхностных разговорчиков, информационного интернет-шума и бытовых дел у тебя нет времени конкретно сформулировать свое осознанное желание. Хотя бы одно, хотя бы простое. Чаще всего мы находимся в цепи рефлексов, которая запустилась давно. Разорвать эту цепь

можно, на мой взгляд, лишь одним способом – оставшись одному. Физически. Буквально. Это не значит, что нужно оказаться в жизненной ситуации, где вы ощущаете всепоглощающее внутреннее одиночество. Нет, иногда нам просто нужно пространство, в котором мы останемся наедине со своими мыслями в спокойном положении. В современном мире мы забыли, что можно просто сесть на стул или кресло или полужечь на диван, -- но так, чтобы не заснуть, а то эффекта не будет, -- и просто посмотреть в одну точку неограниченное количество времени. Без телефона, без музыки. Только я и тишина. Дать самым странным, нелепым, смешным, пошлым, низким, циничным мыслям подуматься. Пропустить их. Вывести на передний план тот мысленный фон, который уже так приелся, что стал практически незамечаем осмысленно, но он продолжает влиять на жизнь. И окажется, во-первых, что этих мыслей не так уж и много. Во-вторых, им не особо много есть что вам сказать, да и то, что они поведают вам, не так уж и страшно. Но из-за того, что мы уже отвыкли слушать собственный голос в голове, он замещается чужими, с которыми мы боимся остаться наедине, и постоянно пытаемся заместить их просмотром видео в интернете, фильмов, чтением книг. Это все прекрасно, конечно, и я не пытаюсь выступать в роли ханжи, что будет говорить, мол, все это нужно жестко ограничить, нет. Но мы, как мне кажется, ограничили себя безграничным разрешением внешнему шуму залезать нам в голову и замещать нашу личность.

Голова – это резервуар информации. Я считаю, что решения принимаются отнюдь не головой. Пусть меня назовут мистиком, да кем угодно, но я уповаю на ощущения в области грудной клетки, когда мы совершаем правильные или неправильные решения, говорим правдивые или лживые слова. Зачастую рационально – соврать, а сказать правду – маячит вызвать эмоциональный дискомфорт, причем здесь огромную роль играет фантазия, которая начинает раскручивать эмоциональный дискомфорт твой (еще не наступивший), собеседника; в голове начинает моделироваться ситуация, которая разрастается в нечто ужасное из-за того, что ты сказал правду. И мы часто выбираем солгать. Мы лжем себе, лжем другим, лишь бы сохранить оазис спокойствия. Лживый оазис спокойствия, хотя на этом оазисе нет воды, а спокойствие – мираж, что развеется, попади вы в ситуацию, которая чуть-чуть нарушит ваши планы по сохранению этого самого спокойствия.

Таким образом, жизнь рискует превратиться в постоянные попытки сохранять мнимое спокойствие, тогда как жизнь – это постоянный риск и ощущение дискомфорта. Только так сохраняется живость духа.

Мне омерзительна спланированная жизнь. Но вокруг меня люди, которые считают, что жизнь в принципе возможно спланировать. Я считаю, что это невозможно. Да, мысль банальна, но меня ни на день не отпускает мысль о возможной смерти, о возможной смертельной болезни, которая, на

секундочку, может явиться **ВООБЩЕ БЕЗ КАКИХ-ЛИБО РАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЧИН**. Вы можете вести самый здоровый образ жизни, постоянно проходить обследования и все равно в один момент обнаружить неизлечимое заболевание и быстро умереть. И где окажутся ваши планы? Правильно – они растворятся. Это кажется очень и очень банальным, но я считаю, что эта мысль очень слабо доходит до людей (и до меня в том числе) именно из-за замыленности её формы. Мы не понимаем, что такое смерть. Мы боимся ее, но понять ее настолько, чтобы она радикально изменила наше отношение к жизни, мы можем лишь в моменты, когда она максимально возможным образом приближается к нам.

Все мы можем подумать мысль «завтра я умру». Она доступна всем. Завтра. Я. Умру. Подумал. И что? Я сейчас пойду делать те вещи, которые откладывал всю жизнь? Нет. Потому что смерть не может явиться нам во всей своей красе. Это абстрактная смерть. И вообще, завтра я не умру, ведь нет причин умирать-то. И так мы откладываем мысли о смерти, которая окружает нас повсюду. Водитель автобуса, на котором вы едете на работу, может уснуть и угробить всех пассажиров, сделав нырок в реку с моста. Стоя на остановке, вы не ожидаете, что пьяный лихач на полной скорости сейчас снесёт вас и остановку, не оставив вам шансов выжить. Человек настолько хрупкое существо, что может смертельно разбить голову, упав с высоты собственного роста. Вы только вдумайтесь в количество возможностей закончить су-

ществование. Можно отравиться паленым алкоголем и, как минимум, ослепнуть. Оказаться укушенным энцефалитным клещом, съесть что-то, что вызовет у вас удушающую аллергию. Вы купаетесь в океане в отпуске и наступаете на ядовитую хрень. Миллиард вариантов оказаться мертвым буквально сегодня, даже особо не выходя за пределы своей будничности.

И вот я описал малую часть вариантов. И кажется, что, соблюдая меры предосторожности, можно влиять на то, что ты дольше живешь. Это чушь. Мы окружены бесчисленным количеством происходящего, никак независящего от нас, но мы продолжаем планировать. Планирование, в свою очередь, зароняет в нас страх нарушить план. Страх нарушить план мешает сделать то, что вырывается из грудной клетки. А виной всему голова, засранная смогом внешнего шума, через который зов вашего нутра не может пробиться наружу.

Я 29 лет будто был в коме. С проблесками. Я не хочу сказать, что почти три десятка лет жил роботом, а сейчас меня резко осенило, что я занимаюсь тратой времени собственной жизни. Нет. То, что меня осенило сейчас, явилось результатом бесчисленных попыток вырваться из паутины навязанных запретов, чуждых мне ценностей, что окутывали меня с рождения. Я постоянно боролся и пытался изменить себя, но раз за разом скатывался в темноту, образуемую сомнениями – своим и чужими – и зависимостями.

Сомнения. Глупый прием, конечно, но давайте расчленим

слово сомнения. И препарируем. СО-МНЕНИЯ. Или лучше в единственном числе. СО-МНЕНИЕ. Потому что даже одно маленькое сомнение может породить страх и нежелание продолжать делать что-либо. Что парадоксально, сомнения максимально действенны применимо к вещам, которые действительно важны, которые влияют на течение жизни, на занятие тем, что может стать ядром вашей личности. Так вот СО-МНЕНИЯ. Это внешнее мнение. Как в случае со словом СО-ТРУДНИК. Один человек – трудник. Два – уже сотрудники. Трудник – это начальник. А сотрудник – подчиненный. Ваше мнение – это начальник, а сомнения – сотрудники. И вот в чем загвоздка: получается, что, позволяя сомнениям одолеть ваше мнение, вы нарушаете правильный ход течения жизни, иерархию, ставя своих подчиненных выше себя. Такая организация быстро пойдёт ко дну. Это не значит, что нужно будучи капитаном, закрыть уши и не слушать матросов, но ваша жизнь – ваш корабль, а сомнения-матросы у вас в подчинении. Ответственность только на вас.

Корявый аргумент, согласен. И это даже не аргумент. А мне плевать, я не в поле логики, этим текстом я воздействую на другие точки. Логика бессильна сделать вас более решительным. Логика загонит вас в ловушку планирования. Это не значит, что логика не нужна. Я повторяюсь, мы слишком многое отдали на откуп логике и рацио. Нужно восстановить баланс.

Наличие, так называемого, логического мышления созда-

ёту у большинства людей иллюзию того, что они могут учиться на чужих ошибках. Это не так. Возможно, эта способность и доступна небольшому количеству людей на Земле, но процентов девяносто людей способны учиться лишь на собственных промахах. Чужие ошибки не учат меня. Более того, мои собственные ошибки не учат меня с первого раза. Что уж говорить о чужих? Знание о чужой ошибке зачастую неподлинное. Оно не наполнено твоими переживаниями, твоими страданиями, твоей потерей. Она не стоит для тебя ничего. Ты просто услышал о ней, посмеялся, подумал «во дурак» и забыл, не подозревая, что, столкнувшись с подобным наяву, оказался бы ничуть не лучше приспособлен к обстоятельствам, а то и хуже.

Совершение ошибок – это шестое чувство, которым человек познает окружающий мир. У него вырабатывается собственное подлинное чутьё, подсказывающее – с помощью накопленного опыта – оптимальные пути дальнейшего движения. Опыт в обыденной жизни имеет, как мне кажется, более важное значение, и чем раньше человек начинает, не боясь, его накапливать, тем быстрее у него сформируется собственный нестандартный взгляд на вещи, позволяющий ему построить траекторию его жизни, отвечающую его внутренним позывам и стремлениям. Извне никому доподлинно неизвестны ваши потаенные желания, привычки, особенности, а именно они, и только они, способны при должном обращении с ними раскрыть человека.

Мы живём штампами, которые впитываем своим ранним возрастом, а потом тащим тяжёлую телегу с ними. Они мешают нам увидеть и взрастить собственные паттерны, индивидулирующие наше естество. Я говорю о вещах, которые у нас под носом, но мы зачастую не можем их разглядеть, потому что просто даже не можем посмотреть под таким углом на свою обыденность. Например, вас научили, что спать головой на подушке, -- это нормально, так все делают, но вы хотите спать с подушкой в ногах, а под голову не класть ничего, или же хотите положить под голову свернутый махровый халат. И вам так будет по кайфу, но вы не знаете об этом, потому что никогда так не сделаете, потому что принято спать в чистом постельном белье, головой на подушке, а халат носить только после бани или душа, но, поспав вот так (если вы сами придете к подобной идее, отражающей вас), вы почувствуете себя лучше. И таких вещей в жизни можно открыть миллион. Например, вы можете обнаружить, что в первые пятнадцать минут после оргазма вы поете гораздо лучше, чем в обычное время. Или вообще пение гораздо лучше происходит во время мастурбации. Ваш организм может быть устроен так, это не какая-то фантастика.

Наверное, я просто призываю к эксперименту в обыденной жизни. Чем его больше, тем лучше. Только так можно нащупать самые индивидуальные свои черты, которые скрыты даже от вас. Или, лучше сказать, особенно от вас.

Перечитывая свои несколько страниц, я обнаружил, что

сбился с мысли об алкоголе, которую зачал в одном из абзацев, но, поскольку я решил не редактировать эти свои памфлеты, продолжу мысль здесь. Если жизнь ощущается дерьмово, алкоголь помогает следующим образом. Принято думать, что действителен только эффект самого опьянения, мол, человек расслабляется и забывает о том, что жизнь дерьмо, а реализация отсутствует (на самом деле все сложнее, но пока так), но в момент опьянения он в кайфе и чувствует себя хорошо. Но я хочу сказать, что человек пьет во многом для того, чтобы испытать похмелье. Звучит тупо, согласен, но только на первый взгляд. Однако для продолжения своей обыденной и не приносящей радости жизни важно именно похмелье. Во-первых, все люди знают, что после пьянки наступает похмелье. Это факт. Мы идем бухать, зная, что завтра нам полный пиздец, особенно если мы не знаем меры, как я. Но мы идем. Мы знаем, что это будет. И это будет ужасно. Зачем? Что за мазохизм? А дело как раз в мазохизме. В подвергании себя этому болезнетворному эффекту, пережитию его. Схема простая: ты живешь на одной ступени своей жизни на этой не имеющей конца лестнице. И вот ты начинаешь бухать. Зачем? У тебя тупик, ты не знаешь, как шагнуть на следующую ступень, потому что лестница необычная – следующая ступень невидима, вместо нее пропасть. Ха-ха! Все! Дальше смысла идти нет, ведь я же не псих шагать в пропасть. Но человеческий дух по природе своей требует постоянных метаморфоз, движения, поэтому алкашом соверша-

ется выбор спуститься с помощью алкоголя на ступень-две-три назад, а потом снова, если есть желание и воля, подняться вверх до той, где он уперся в пропасть. Похмелье — это и есть такой мини-спуск. Это как пережить болезнь, после которой твоя здоровая жизнь ощущается как нечто прекрасное в сравнении с еще недавно переживавшимся состоянием. И вот ты выздоравливаешь за один день и готов еще какое-то время наслаждаться своей обыденностью без нужды совершать прыжок веры в ту самую пропасть, которая так пугала. Я объясняю на примере алкоголя, потому что я сам алкаш, но вообще-то люди используют самые разные способы избегать совершения пугающих их шагов. Примеры приводить не буду, пусть у вас само что-нибудь всплывет в голове. Короче говоря, таким образом человек создает себе иллюзию движения хоть куда-то. Но это движение туда-сюда, которое не способно дать в большинстве случаев благоприятного эффекта...

о вере

...довериться своей судьбе непросто. Судьба. Предназначение. Эти слова уже не воспринимаются серьезно из-за обилия их в популярной культуре. Это можно назвать как угодно. Довериться своему порыву совершать качественное бытие. Не рефлексорное, а то, которое действительно жаждет реализации. Это тяжело. Тяжело, потому что это требует шага в неизвестность. Хотя бы первого. Требует изменения жизни, особенно если ты всю жизнь делал то, что тебя отдаляло от тебя же самого. И резкий разворот к себе грозит непониманием окружающих, потому что для них ты личность будто бы оформленная. Да, может быть, не совсем путёвая, не хватающая звёзд с неба, но вот такой человек, что уж поделать. Но если в такой момент совершить резкий разворот и начать идти к себе, извне это кажется сумасшествием, потому что нет никаких рациональных причин доверять словам человека, всю жизнь двигавшегося в одном направлении, а в один момент развернувшегося в другую сторону. Все, что он может сообщить в такие моменты, это то, что он в себе уверен и что уже в данный момент, совершая этот разворот, чувствует жизнь более полно, чем когда жил кажущуюся снаружи удовлетворительную по всем параметрам жизнь, хотя зачастую такой разворот сопровождается ухудшением качества жизни.

В этом и заключается вера в себя. Мы забыли слово ВЕРА и то, что оно означает. Мы уже не воспринимаем это слово так, как его стоит воспринимать. Вера иррациональна, а мы уже автоматически пытаемся подтянуть аргументы к своей вере даже в себя. Этот вопрос стоит рассмотреть гораздо внимательнее. Люди верят в Бога, неважно в какого. Верят, что все создал он, он любит свои творения, то есть весь этот мир. Мы – каждое отдельное Я – являемся его творениями, которые им любимы. Если коротко, то, сомневаясь в себе, не веря в себя, мы не верим и в Бога, потому что подвергаем сомнению то, что создало высшее существо. И тут уже неважно, посещаете ли вы храм определённого бога, совершаете ли вы обряды вовремя, это всё становится неважным, ведь ваша вера подорвана в первооснове. Я не говорю о том, что все это не нужно делать, я не выступаю противником какой-либо конфессии, я лишь хочу обратить внимание на то, что мне кажется очевидным, но многими упускается из виду в разговорах о вере.

Но вера в себя – это первый шаг. Вокруг – тоже люди, их тоже создал Бог. И, опять-таки, неважно, какой конфессии вы принадлежите, ближе вам объективный идеализм или же вы солипсист, это абсолютно неважно. Я хочу посеять мысль следующую: пока вы не верите в себя – вы отрицаете не только самого себя, вы отрицаете Бога, причем этот акт настолько силен в своем воздействии, что способен заразить остальных людей, потому что неверие в собственные силы или в

силы других людей подкреплено ее величием всемогущей (нет) логикой, которая, как кажется, все идеально объясняет и предсказывает. Логика ничего не создает. Она способна только следовать за проистекающей жизнью, которую приводят в движение люди, ведомые верой в себя. Как и наука. Наука – отличная вещь, мы знаем многое, благодаря ей, что помогает создавать технологии, лечить людей, но она следует за течением жизни, объясняя все постфактум. Сегодня научной истиной является одно, через столетие – уже другое. Это не баг, а фича, но это лишь подтверждает, что бьющиеся над сложными вопросами учёные лишь пытаются поспеть за постоянно углубляющимся в недра черной дыры солнечным зайчиком.

Мы должны верить в себя и других людей. Лишь так Бог может быть доволен своими творениями. Как родитель, видящий, что его дети пребывают в дружбе, любви, согласии и понимании. Если каждый, не верящий в себя и других людей, находящийся не в ладу с остальными творениями Бога, отводит определенное время для того, чтобы молитвой почитать Бога, это не акт любви к Богу в полном смысле этого слова. Богу куда приятнее связность, единство. Но если его нет в людях, что ему почитание его отдельными людьми? А человек – это единственное существо, которому дано это единство нарушить. Дерево без связи с землей погибает, это видно, что называется, на деле. Человек тоже погибает без связи с почвой, но мы этого не замечаем, ведь это как дереву

дать посмотреть на дерево, вряд ли оно сможет распознать паттерны поведения дерева во всей полноте. Почвой я называю веру в себя и других людей. Человек без нее погибает, но медленно. Без единства, связи, он ощущает проистекающий процесс не жизнью, а умиранием. Можно сказать, что жизнь и есть умирание, но человек, познавший веру в себя, веру в других людей, находящийся в ладу с данной ему почвой и лесом других деревьев, менее подвержен страху смерти и провоцирующей ею тревоге, которую невозможно объяснить, потому что невозможно объяснить феномен собственной смерти...

непредсказуемая подлинность

...внутри постоянно будто крутится колесо. Колесо желаний, впечатлений, воспоминаний. Как барабан из шоу Поле чудес, но на этом барабане очень-очень много секций, они узкие, и каждый момент сменяют друг друга. Он никогда не перестает вращаться, пока ты жив. На нем не только впечатления, воспоминания, желания, а и страхи, сомнения, мечты, разочарования – все, что может хоть как-то быть проживто человеком в определённый момент. Я только что проснулся, но уже ощущаю, что за ночь я прожил огромное количество оборотов этого колеса, но во сне у меня нет возможности явить это каким-либо образом вовне. Я всегда просыпаюсь уже с желанием явиться. Какое-то время назад я понял, что мне помогает вот так вот расписать то, что я чувствую, но понял я это далеко не сразу. Это больше всего похоже на чувство тяжести, и открыл я то, что писательство помогает, кажется, во время одной из своих завязок.

У меня было много попыток завязать с алкоголем. Лучшие из них достигали трех-четырех месяцев. И во время таких завязок, если тебе не с кем поговорить, нутро просится наружу, и ты начинаешь сам вести дневник трезвости. Сначала это называлось так. Я просто записывал свои ощущения, изменения восприятия жизни в отсутствие алкоголя. И порой записи были очень однотипными, мол, встал, поел,

сходил на тренировку, чувствую себя лучше, чем когда-либо во время запоя. И так я начал писать, просто писать. Со временем это перестало быть дневником трезвости, ведь я срывался, но все равно продолжал это делать. Это превратилось просто в дневник. Дневник хорош тем, что туда ты пишешь все, что думаешь о себе и других в моменты своих эмоциональных порывов. Такой уровень откровенности вряд ли доступен мне здесь. Я уже знаю, что пишу это, чтобы выложить. Свои дневниковые записи я вел рукой в тетради, но сейчас я естественным образом пересел за компьютер (потому что прикупил себе такой, на котором хотя бы не тормозит ворд). И я чувствую в себе ежедневную потребность писать. Я связываю это с трезвым переживанием осени.

Осенью всегда приятно было уйти в запой. Даже сейчас у меня возникает стойкая ассоциация немного похмельного состояния, в котором ты чувствуешь себя немного более единым с миром, чем в обычном состоянии, и созерцания буйства красок, которым пышут лиственные деревья осенью. Почему-то именно в похмельном состоянии я всегда явственно ощущал дрожь разноцветных осенних листочков на ветру будто бы внутри себя. Этот прохладный ветер, когда еще не совсем холодно, еще можно не надевать зимние вещи, а покрасоваться в межсезонных, которые зачастую казались на мне самыми красивыми и идущими мне. Люблю я осень, но из-за того, что я очень часто заливал вот этот переживаемый вместе с природой процесс умирания бухлом, у

меня сформировалось ностальгическое чувство, связанное с таким способом проживания определенных моментов жизни.

Ностальгия, ностальгия. Очень подлое чувство. Оно способно растворить всё плохое в воспоминаниях об определенном периоде жизни, оставив лишь вот этот манящий в прошлое след. Ностальгия во многом формирует нас. Именно поэтому и важен период детства. Вот как работает ностальгия с еще недавними воспоминаниями. Я явственно помню, что всегда ненавидел и до сих пор ненавижу ходить на работу. Но иногда мне вспоминаются моменты, которые будто бы перекрывают все то плохое, что я ненавидел, все те недосыпы, стрессы, попытки залить, опять-таки, алкоголем ощущение, что я делаю в жизни что-то не так, и период работы в каком-нибудь месте вдруг перестает казаться чем-то, что я ежедневно ненавидел. Да, хорошие моменты, разумеется, можно найти везде, но именно ностальгия гиперболизирует эти воспоминания искажающей линзой прошлого. И если не задумываться об этом, то можно так и жить ностальгией всю жизнь. Отсюда и берутся эти романтизации прошлого, абсолютно чудовищных периодов истории. Но ничего не попишешь – в эти периоды истории жили обычные люди, тогда у них стоял хуй и было весело, а значит, всё было не так уж и плохо. Но я считаю, что с чувством ностальгии важно быть очень осторожным. Это тряпина, которая затягивает собою. Я был очень апатичным и не особо любившим что-то делать

ребенком. Любил много спать (да и сейчас люблю), лежать на диване (тоже) и думать о чем-либо. Неважно, почему я был именно таким, но это так. И иногда я, как и все, вспоминаю детство. Вспоминаю свою квартиру, где жил с матерью, эту вечно зашторенную комнату. У меня сейчас перед глазами комната, в которой включен свет, но она все равно ощущается темной, вязкой, склоняющей меня к меланхолической апатии. Во многом я таким помню свое детство, свой дом. И даже сейчас чувство ностальгии, хоть я и держу в голове мысль о подлости этого чувства, пробивает мембрану восприятия и тянет туда. Но мне приятнее подумать сейчас, что вся моя жизнь – эта просто фантазия того самого мальчика Димы, а фантазия у меня была неплохой.

Я не знаю, как пишутся книги. Никто не знает этого до тех пор, пока текст сам не начнет писаться твоими руками. Книга – что это в сущности? Зафиксированный на бумаге поток мыслей. Вот и все. Когда читаешь чужие книги, кажется, что в них есть структура, над которой автор скурпулезно работал. Может, кто-то так и пишет, но я в это не верю. Я человек импровизации, человек потока. Именно поэтому мне помимо написания текстов близки жанры стримов, подкастов, записанных одним дублем. Все это было в моей жизни. Обилие редактуры убивает жизнь. Я считаю, что мастера делают все без редактуры, как есть. Это зарегистрированный поток жизни, истекающий откуда-то из глубины. И говорить, что автор пишет своим умом, мозгом или еще чем –

это опошлять написанное. Автор пишет всем собой. Когда я только начинал писать, я писал, невольно подражая стилям авторов, что мне нравились. Это кажется нормальным в процессе, пока не перечитаешь и не поймешь, что в этом отсутствует твой собственный голос. И это не только с книгами или творчеством работает. Это и в обыденной жизни так. Люди не любят слушать свой голос в записи. Почему? Я свой люблю сейчас. А не любил раньше, когда это был и не мой голос вовсе. Он говорил что-то, что не соответствовало моим внутренним переживаниям. Вот и весь феномен неприятия своего голоса.

Я люблю осень. Я снова в завязке. И я знаю, что покуда я трезв, я буду писать. Да, сейчас это больше походит на дневник трезвости алкаша или речь человека, сидящего в кругу анонимных алкоголиков. Туда я тоже ходил в этом году, но понял, что это не мое. Осенью умирает само нутро вместе с природой. Оно будто бы плавится. Тянется, как тугоплавкий металл при экстремально высоких температурах, и выливается в эстетически прекрасную форму памятника. Памятника самому себе, создающему ностальгию уже в новом для себя качестве.

Я даже не ел, мне сейчас кусок в горло не полезет. Я проснулся и уже здесь – регистрирую свое состояние. В моей голове постоянно крутятся сюжеты, но я не могу приступить к их написанию. Я знаю, что путь к ним лежит через эту книгу. Эти переживания, что я здесь описываю – единствен-

но подлинны на данный момент. Подлинность, мы любим подлинность. Мы стремимся быть подлинными. Но это тяжело. Будь собой. Будь, а не кажись. Этими фразами наполнено коллективное сознание. Но как это сделать – никто не подскажет тебе, пока ты не прислушаешься к собственному голосу, который тебе понравится. Это начало. Слово. Сказать себе слово, которое понравится. Хотя бы одно. Парадоксально, но оно может быть ужасным. Уничтожающим тебя самого. Таких слов может быть много. Мои дневники долгое время были наполнены самоуничтожением. Я стал в этом деле настоящим мастером. О, как я себя стегал словом, но это было подлинно. Это было одновременно неприятно слышать о себе, но это был мой голос. Тот, который я люблю. Я не знаю, сколько это продолжалось. Многие из этих дневников уже не существуют. Я стал меньше уничтожать себя, как мне кажется, но этот процесс был похож на выдавливание гноя. Всем же знакомо чувство выдавливания гнойника. Мерзкое, но одновременно удовлетворяющее действие. Облагораживающее чувство очищения. Освобождение от загрязнения.

В отличие от гнойника на теле, выдавливание метафизического гнойника поражает непредсказуемостью того, сколько в тебе скопилось грязи. Ты никогда не знаешь, в какой момент остановится просачивание густой массы накопившегося дерьма через узкую дырочку сознания, что ты проковырял сам либо же кто-то помог тебе сковырнуть.

Я не перестаю удивляться тому, как все непредсказуемо.

Подлинное творчество непредсказуемо. Подлинная жизнь – непредсказуема. Непредсказуемость сопровождает подлинность. Когда я лежал час назад на диване и продирал свои глазенки от благостного сна, я и подумать не мог, о чем напишу в конечном итоге. Так, что-то маячило началом в мыслях, но в итоге – все всегда получает не так, как ты задумывал. И это замечательно. Это подлинно. Это настоящее. Это и есть актуализация настоящего...

комары

...я уволился со своей последней работы пять месяцев назад. Дело было так: я работал водителем грузовых автомобилей на индивидуального предпринимателя, который оказывает услуги сети супермаркетов Семишагов. Пойти туда работать было опрометчиво, поскольку мне сразу предложили условия работы 6 через один в день, но с возможностью работать в ночь. Меня подкупила возможность работы в ночь, поскольку трафик в Питере днем создает нервозность своими пробками. И я подумал, что смогу быстро закрыть свои уже тогда подкопившиеся долги по кредитной карте. Банальный расчет: 5 тысяч в смену, 6 дней в неделю, это 24 дня по 5 тысяч = что-то в районе 110-120 тысяч, подумал я. Как же я был наивен. Во-первых, не каждый день выходило по два рейса, что делало заработок за день равным двум с половиной тысячам, а отработать за них нужно было все равно достаточно часов: час на то, чтобы добраться до склада от дома, постоять в очереди за рейсом, загрузиться, отвезти груз в пункт назначения, который мог находиться на другом конце города, и вернуться обратно. Причем не всегда логист сообщал тебе по телефону о том, что рейсы закончились, и я по первости, не звоня сам после первого рейса, попадал в ловушку приезда на базу просто так, после чего ехал домой уже от распределительного центра, на который можно было

и не возвращаться. Ну а во-вторых, поскольку работать приходилось много, и я был всегда в пути либо на загрузке с разгрузкой, то некогда и негде было нормально поесть. На распределительном центре была столовая, но она уже закрывалась к тому времени, когда начиналась моя ночная смена, а начиналась она в пять вечера. Поэтому я ел зачастую в бургер кинге, располагавшемся по пути следования от дома до расpredка; реже – в ростиксах и шавермах. Это вылетало в копеечку. Плюс я страшно подсел на кофе. Я не мог пить ничего, кроме кофе. Плюс я курил. За рулем я очень часто курил. Сначала сигареты, но потом я начал от них сильно кашлять, и я сменил сигареты на электронки. Все это сжирало мои деньги, но я не мог всего этого не делать, потому что я как будто погряз в круговороте работы и вот этих привычек, которые хоть как-то позволяли сносить эту жизнь.

Первый месяц все было неплохо, потому что всегда в новом месте ты существуешь на топливе интереса к новому. Да, пускай я уже работал на аналогичных работах, однако маршруты новые, люди новые, специфика в деталях работы может отличаться. Это еще не превратилось в рутину. Проблемы начались со второго месяца. Это был февраль. Холодно. Машину мне дали, что я называю, тупомордую: с плоской откидывающейся кабиной. Там у большинства такие были. Это был Хундай. Немного ушатанный, но ездить было можно. Что было хорошо, так это то, что имелось автономное отопление, которое, однако, слабо помогало, потому что

между дверями и кабиной были щели, в которые неслабо задувало, а еще стационарная печка не дула в ноги теплым воздухом либо делала это очень слабо, зато туда же задувал каким-то образом холодный воздух. Все это давало о себе знать очень заметно в дни сильных морозов, которых, к счастью, в ту зиму было не слишком много.

Я помню один памятный день, когда я затупил в процессе работы. Была ночь, я ехал откуда-то издалека, из поселка, находившегося в километрах ста от Санкт-Петербурга. Была уже глубокая ночь, около трех-четырёх часов. И у меня в один момент перестает работать автономное отопление и стационарная печка, что приводит к образованию тонкого слоя наледи на лобовом стекле изнутри, образуемого задуванием ледяного ветра. Я смотрю на стрелку термостата на приборной доске и вижу, что она скачет вверх-вниз. Я подумал, что что-то случилось с антифризом, мол, он утёк-убёг. Я заезжаю на ближайшую заправку на трассе и покупаю две литровые бутылки антифриза. Нахожу за кабиной емкость, которую я принял за расширительный бачок, ведь я вообще не разбираюсь в устройстве автомобилей, и заливаю туда антифриз. Все заработало, я доехал до дома. Написал начальнику, что вчера убежал антифриз, и мне пришлось потратить своих денег, чтобы купить его. Он заинтересовался проблемой и попросил прислать фото расширительного бачка. Я прислал ему фото. Он сказал, что это бак для дизельного топлива, подающегося в систему автономного отопления. Я

почувствовал себя странно и сказал, чтобы он не присылал мне деньги за антифриз. Потом мне пришлось варварским способом оторвать один саморез, которым был прикручен этот бак кузову, и слить антифриз из системы. Я молился, чтобы автономное отопление продолжило работать после заправки дизелем, потому что не хотел платить за ремонт, и оно, благо, заработало, чему мы с начальником сильно удивились. Бачок этот потом я так и не смог прикрутить обратно так, как он держался, и я привязал его веревочкой от ключей к ручке, которой поднималась кабина. Смотрелось очень колхозно, но мое врожденное рукожопие и нежелание разбираться в том, что мне не особо интересно, не позволило мне до самого увольнения изменить это.

Это лишь один случай, который показывает нелепость положения человека, находящегося в не своей среде. Я никогда не хотел быть водителем грузовых автомобилей, но так сложилось исторически, что у меня оказались эти права – абсолютно законным способом, -- и я пустился рассекать воздух этими тяжеловесными машинами на протяжении нескольких лет.

Возможно, когда-нибудь я расскажу об этих работах более подробно. Возможно, это случится не так уж далеко в будущем. Я не знаю. Пока важно то, что вот так я работал до мая месяца. Работать мне не нравилось. Я зарабатывал деньги, которые спускал на свое житие в этот же день: на еду, кофе, электронки. Выхлоп был крайне мал. Плюс в какой-то мо-

мент мы с моим другом-соседом Ваней ушли в запой. Сначала мы пили по выходным пиво, и это укладывалось в понятие «отдохнуть на выходном». Потом мы стали пить по будням, но так, чтобы мы были в состоянии работать. Да, я выходил на работу с похмелья, но поскольку печати медработника уже были проставлены на путевых листах, выдаваемых начальником, остерегаться нужно было только сотрудников ДПС. Потом мы стали пить так, что я, бывало, не выходил в свой рабочий день. Потом мы забухивали и по три дня. Я говорил в такие моменты, что болею. Шестидневную рабочую неделю было невозможно вывезти. Я плохо спал. У меня были постоянные судороги от усталости, обилия алкоголя, кофе и никотина. Моя ЦНС в принципе очень чувствительна к таким вещам, но в тот период времени я убивал ее как мог.

На синей волне мы пережили зиму, что было нам обоим тяжело. Ваня работал тогда и работает сейчас представителем банка, что ходит в любую погоду по улицам и раздает физические носители банковских продуктов. Является физическим носителем физических носителей виртуальных продуктов, вот так вот. Я и представить не мог себе, каково это – работать пешком каждый день в омерзительную погоду. Я-то хоть в машине зачастую посиживал. Я тоже проходил стажировку в этот банк, но во время оной я понял, что работать там не буду. Не для меня это – продажи. В продажах я в своей жизни тоже какое-то время поработал, и всегда это заканчивалось одинаково – мне надоедало впаривать людям что-

то, что им не нужно, ради выполнения плана. Нет, мне это не нравится на более глубинном уровне, но большую часть жизни я понимал это так. Но вернемся к теме увольнения. Прошла зима, наступила весна. Весна ударила мне в голову с небывалой силой. Я поймал Obsession по девушке из своего родного города, с которой у нас, как мне подсказывало мое радио, ничего и никогда не могло быть в принципе, однако я записал и выложил определенное количество реп-треков, посвященных ей. Даже пару раз я написал ей, будучи пьяным, что люблю ее. Сейчас я вспоминаю это как какой-то скомканный сюрреалистичный сон, но тогда все мои переживания были настолько реальны, насколько могли быть реальны.

И вот подходит день Икс. Я еду в магазин. Это мой первый из двух рейсов за день. В меня нагрузили под 5 тонн – то есть почти максимум, позволительный для этой машины. Я ехал потихоньку. Машина тяжело тормозила с таким грузом и сильно раскачивалась. Я доехал до магазина и начала парковаться задом к зоне разгрузки, как вдруг моя нога проваливается на педали тормоза в пол. Я сначала не придал этому значения, потому что именно в этот момент я встал в нужное место и поставил машину на ручник. Произошел неспешный процесс разгрузки. И вот мне нужно отъезжать, как вдруг я понимаю, что тормозов у меня больше нет. Я отъехал на несколько метров от зоны разгрузки и увидел лужу. Это была тормозная жидкость. Я сообщил об этом началь-

нику. Он сказал найти где-нибудь тормозную жидкость, залить ее и доехать потихоньку до дома, а завтра, мол, решим, что делать. Я решил не искать тормозную жидкость, потому что это была задача из разряда «потратить на это три часа и все равно обосрись», ведь время было уже в районе десяти часов вечера. Я поехал потихоньку, на первой и второй передачах к дому, благо дом был в пяти минутах от этого магазина. Я доехал. Поставил машину и ушел домой.

Начальник, этот славный малый, написал мне, чтобы завтра я ехал в сервис на этой машине. Сервис, чтобы вам пришло такое же понимание моего ахуя от этой просьбы, располагался в полутора, а то и в двух часах езды от моего дома на ЗДОРОВОЙ машине, а моя была больна перебитым, судя по всему, шлангом тормозным. То есть мне предлагалось сесть в машину без тормозов и проделать осторожный путь часа так в четыре на грузовой машине, у которой в любой момент могут отказаться тормоза. Он мне предлагал подливать ее по пути.

Ночью я сидел и думал над этим предложением на миллион долларов. У меня начал раскручиваться в голове сценарий, при котором тормоза моей машины отказали бы во время движения на ней с 5 тоннами в кузове. И это абсолютно точно могло произойти. Мне просто повезло, что тормоза отказали в момент парковки. А теперь мне предлагается проделать путь в сотню с лишним километров на многотонной железке без тормозов. И я вдруг начал думать, а в ка-

ком мире я живу, что это считается нормальным в принципе? И нужно ли мне в нем жить? Этой ночью я почувствовал себя Джулсом из Криминального чтива, когда он говорил, что Бог остановил гребаные пули. Я тоже принял сломанные тормоза в безопасный момент за предупреждение. Бог сломал мне тормоза не на полном ходу, хотя полный ход был за три пять минут до поломки. Я мог убить кого-то, подумал я. И в этот момент я понял, что я ни дня больше не проработаю за рулем. Уже наступило утро. Я сходил до машины, собрал в ней весь мусор, вытащил карту водителя из тахографа и разломал ее надвое, чтобы у меня не было возможности вернуться, вскорости передумав. Я постарался оставить кабину в том виде, в котором она мне досталась. Да, бачок автономки все так же криво висел, но я уже не был в силах сделать его прежним, я и не хотел. Я написал начальнику, этому славному малому, который на момент написания этого текста до сих пор должен мне тысяч 13-15 за отработанные дни, и сказал, что больше не выйду и машину эту никуда не повезу. И что я увольняюсь. И я ощутил это решение одним из самых правильных решений в своей жизни. В этот момент я, возможно, впервые почувствовал то, что жизнь устроена не просто так. Я почуял ветерок, очень тонкое его дуновение. Как комар. Однажды я наблюдал у себя на кухне двух комаров, залетевших в окно, а затем очень хотевших выбраться. Окно было открыто на проветривание, наверх, и комару, наверное, трудно распознать открытость этого окна таким об-

разом, поэтому комары бьются в окно, ведь они видят, что улица, простор, они там. И они бьются всем своим телом, пытаясь пробиться к свободе, однако это обречено на провал. Но один из комаров почувствовал легкий сквознячок, струящийся в оконную щель, доверился этому потоку и вылетел на свободу, а второй так и остался биться в стекло. Через какое-то время, день или несколько, я обнаружил на подоконнике мертвого комара. Может, это был и не он, это и необязательно, чтобы я что-то понял из рассмотренной мною картины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.